

Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Писатель, который никого никогда не любил по-человечески, — а волнует. Брезгливый, рассудочный, недобрый, подозрительный даже к историческим лицам, сам себя повторяет, а тревожит. Скучает безумно, так же как и его Александр I в кабинете, — а красота местами неслыханная...»¹.

Эта запись из «Дневника» Александра Блока посвящена Дмитрию Сергеевичу Мережковскому (1865—1941), русскому писателю, поэту, литературному критику, теоретику символизма, эссеисту, переводчику, историку, религиозному мыслителю, общественному деятелю и, что, на наш взгляд, самое важное — первому русскому культурологу. А также его роману, составляющему вторую часть трилогии «Царство зверя» — «Александр I», впервые напечатанному в журнале «Русская мысль» в 1911—1912 годах.

Высказывание Блока парадоксально, и его можно принять и отвергнуть одновременно! Также парадоксален и сам Мережковский, проживший в литературе громадную жизнь — более 60 лет. Наследие Мережковского и сегодня еще во многом не исследовано и не изучено досконально. Долгое время, практически всю советскую эпоху, его произведения являлись достоянием «спецхрана». Для отечественного читателя они стали доступны только в конце 1980-х годов.

Романы Мережковского не о ткани Бытия, а о бездне Сознания, где присутствуют только малые элементы реализма и историзма. Впоследствии такие «духовно-биографические» романы, где «за кадром» постоянно и взыскующе звучит авторский голос, окажутся неотъемлемой составляющей как отечественной, так и зарубежной литературы XX и XXI столетий. А Мережковский стоял у самого истока этого жанра и несомненно стал одним из его «первооткрывателей».

¹ Александр Блок. Сочинения в двух томах. — Т. II. — М.: 1955. — С. 421—422.

Император Александр I, как персонаж романа, постоянно находится в состоянии рефлексии. Его преследуют в основном две мысли, а скорее «навязчивые идеи»: воспоминание об отце, императоре Павле I, в чьей смерти он винит себя, и размышления о том, что делать с тайным обществом декабристов. Для Мережковского император Александр I — тот, кто вступил на путь служения Антихристу, когда-то «закрыв глаза» на убийство отца, а затем как «властитель слабый и лукавый», не имеющий силы встать на путь союза с «государственными преступниками» — декабристами. Осознавая при этом, что они — декабристы — стремятся к тем идеалам, которые и он сам исповедовал в начале царствования, но не смог осуществить.

Известно, что Мережковский, приступая к написанию романов, стремился создать огромное историческое полотно, работал в архивах, тщательно вникал в детали быта, беседовал лично с великим князем-историком Николаем Михайловичем Романовым, автором монографии «Император Александр I: Опыт исторического исследования», изданной в Петербурге в 1912 году. Также писатель обращался к четырехтомному труду историка Н. К. Шильдера «Император Александр I, его жизнь и царствование», изданному в 1897—1898 годах. Многие сцены романа Мережковского «Александр I» «почерпнуты» именно из этого фундаментального исторического исследования.

Кроме того, явственно различимо и то, что декабристы в романах Мережковского близки к таким «особенным» современникам автора, как русские террористы начала XX века. И в этом глубочайший парадокс мировоззрения писателя, близко общавшегося в годы создания своих романов с террористом-эсэром Борисом Савинковым...

Следующий писатель, достойный быть представленным в настоящем издании, — популярнейший в свое время исторический романист и публицист Даниил Лукич Мордовцев (1830—1905), чье собрание сочинений некогда превышало 30 томов и чьи исторические романы читала вся Россия.

Романы и повести Мордовцева охватывали самые различные исторические эпохи: Смутное время, Петровские преобразования, Отечественную войну 1812 года, век XVIII и т.д. («Сидение раскольников в Соловках», 1880 г.; «Царь и гетман», 1880 г.; «Царь Петр и царевна Софья», 1885 г., и др.). А интересующий нас особенно роман «Господин Великий Новгород» (1882 г.) —

громадное историческое полотно, посвященное 1470-м годам и созданное уже зрелым мастером.

С конца 1870-х годов Мордовцев окончательно посвящает себя историческим романам, вскоре став вровень с признанными тогда мастерами этого жанра — графом Е. А. Салиасом де Турнемир и Г. П. Данилевским. С первым из них Мордовцев постоянно соперничал в творческой «плодовитости».

Считается, что Мордовцева как исторического романиста и последователя Костомарова больше интересовала история «низов» — народных масс, а не царей, князей или полководцев. И это ему часто ставили в заслугу, а его литературных соперников — графа Е. А. Салиаса де Турнемир и Г. П. Данилевского считали певцами дворянского класса.

Но... это не совсем так. Личностные образы и характеры персонажей в исторических романах графа Е. А. Салиаса де Турнемир и Г. П. Данилевского несравненно острее и жизненнее. А Мордовцев чаще рисует некую общую картину, что, на наш взгляд, скорее обнаруживает некоторую ограниченность его литературного дарования.

Возможно, это связано и с нарочитым безразличием Мордовцева как исторического романиста к «вертикали власти». Он вообще не очень внимателен к деталям внешнего облика, обозначая персонажей, как правило, какой-либо одной яркой чертой. Так, в романе «Господин Великий Новгород» «собиратель земли русской», великий князь московский Иван III Васильевич, имеет «неподвижный оловянный взгляд» и подчеркивается неторопливая скупость его речи. И всё! А это один из главных деятелей российской истории...

Кроме того, Мордовцев называет великого князя московского Ивана III Васильевича не иначе как «дед Грозного». То есть и здесь писатель пытается представить «собирателя земли русской» в некоем «черном свете», намекая, что его политика стала преддверием тирании внука — царя Ивана IV Грозного. А между тем эпохи деда и внука — совершенно различны. И покорение Новгорода было именно усмирением отпавшей «родовой отчины» — наследия «от самого Рюрика», как говорит один из героев романа — Упадыш.

Новгородская республика насчитывала около 340 лет, а род первого князя новгородского, варяга Рюрика, прямым потомком которого был «собиратель земли русской» великий князь

московский Иван III Васильевич, существовал тогда уже более шести столетий...

И, главное — покорение Новгорода Москвой явилось исторически обусловленным недопущением захвата исконно русских земель католическим польско-литовским государством, не имевшим к православному Новгороду никакого отношения, о чем, впрочем, вполне определенно говорит и Мордовцев на страницах своего романа.

А неудачная Ливонская война внука — Ивана IV Грозного — первая попытка выхода молодого Московского царства к Балтийскому морю. Не «собрание земель», а война-соперничество за гегемонию — политическое, экономическое и военное превосходство.

Обращает на себя внимание, правда, и в романе «Господин Великий Новгород», и в других произведениях Мордовцева тщательное изучение автором материальной культуры описываемой эпохи. Но и здесь Мордовцев часто переходит от внимательной «выборки» к нарочитой множественности перечисляемых им предметов быта.

Следует указать и на еще одно немаловажное обстоятельство. По убеждению Мордовцева, основой практически любой политической системы или государственного строя являются две взаимно противопоставленные «силы» истории — центростремительная и центробежная.

Мордовцев отдавал предпочтение «силе» центробежной. То есть «силе инерции» или «силе сопротивления». Обстоятельства неодолимой исторической центробежной «силы» и влекли, по мысли Мордовцева, Великий Новгород под «руку» московского великого князя. И эта центробежная «сила» оказывалась гораздо мощнее другой центробежной «силы» — движения Новгорода от Москвы к Европе.

Для Мордовцева, победа — «центра» — Москвы над «окраиной» — Новгородом — историческая закономерность. Одна «сила инерции» подчиняет себе другую.

При этом Мордовцева не очень интересуют «центростремительные силы» — формирование сильного государства, роль личности правителя, его верные слуги и все стремление к укреплению центральной власти в целом.

Как уже отмечалось, по своим политическим взглядам Мордовцев близок был к либералам и западникам. Поэтому

«центр» — Москва — не вызывает у него сочувствия. Симпатии Мордовцева на стороне «символа свободы» — поверженного Новгорода. Он даже говорит на страницах своего романа о том, что «холоп» всегда в конце концов побеждает человека «свободного». И здесь его авторский «голос за кадром» пронизан пафосом не XV, а скорее XIX столетия.

И снова та же особенность. Роман «Господин Великий Новгород» написан несколько, на наш взгляд, искусственным — «псевдобылинным» стилем. Несмотря даже на «новаторские» попытки некоторой музыкальной «напевности» слога, Мордовцеву не всегда удается вполне выдерживать этот стиль. Ибо писатель часто срывается на суждения, представляющие собой опять же «злобу дня» века не XV, а XIX, переживая и трактуя исторические факты с точки зрения современных ему реалий.

Поэтому он в своем романе, на наш взгляд, не вполне беспристрастный историк, а писатель, эмоционально сопереживающий трагедию поражения «свободного» Новгорода и буквально ненавидящий «самодержавную» победительницу-Москву.

Естественно, что и победитель, великий князь московский Иван III Васильевич, для Мордовцева — олицетворение неприемлемой самодержавной идеи. Хотя, если судить беспристрастно, великий князь московский Иван III Васильевич — олицетворение идей и понятий своего времени.

Интересно мнение Мордовцева об участии касимовских татар в войнах Москвы и Новгорода. В частности, решающее участие татар в Шелонской битве 1471 года, где новгородцы потерпели от московского князя жестокое и сокрушительное поражение.

Занятно, что сведения об участии татар в походах на Новгород отсутствуют в московских летописных источниках и присутствуют в новгородских летописях. Следовательно, при создании своего романа, Мордовцев внимательно изучал новгородские источники и отдавал им предпочтение как более, с его точки зрения, достоверным историческим документам, что также показывает своеобразную авторскую «пристрастность».

Так, например, в одной из сцен романа новгородцы слышат крик наступающей московской рати и до них явственно доносятся: «Москва! Москва! Алла! Алла!» Да, в войске московского великого князя, несомненно, присутствовали воины касимовского царевича Данияра, сына казанского царевича Касима — владев-

шего сначала подмосковным Звенигородом, а затем ставшего во главе вассального от Москвы Касимовского царства. Постепенно закладывались основы для создания будущего многонационального Российского государства. Государства, объединившего подданных, исповедующих различные мировые религии.

Но все же... роль татар вовсе не была тогда решающей. Тем более что всего через два года после падения Новгорода состоялось знаменитое «стояние на реке Угре» и было окончательно сброшено ордынское иго. А у Мордовцева татары царевича Даниира становятся чуть ли не главной силой московского войска. И они же — безжалостные и своеобразно «веселые» палачи, готовые немедленно казнить любого по приказу великого князя московского. Так они и казнят посадника Дмитрия Борецкого, сына Марфы-посадницы, и других новгородских бояр.

Да, татарские воины сражались на стороне великого князя московского, но они являлись тогда только наемниками или вассалами, и не более того.

И еще одна немаловажная составляющая творчества Мордовцева как исторического романиста. Он, безусловно, ради «развлечения» читателя, наделяет свою главную героиню — Марфу Борецкую (Марфу-посадницу) чертами, которые никак не могли быть присущи женщине XV столетия. Так, например, Марфа Борецкая вспоминает — с боярыней-подругой! — их измены мужьям и даже имеет тайно рожденную внебрачную дочь. И эта внебрачная дочь — «плод греха», прозрачно названная в романе Гориславой, — способствует падению матери и самого Новгорода.

Это реалии скорее уже века XVIII или даже XX! Откуда, из каких исторических источников Мордовцев мог знать такие подробности — неизвестно. Вероятно, недаром профессиональные историки-современники называли иногда между собой Мордовцева «блудным сыном истории».

Но надо отдать и должное Мордовцеву. Его роман «Господин Великий Новгород» — хотя и не первое (вспомним сентиментальную и совсем далекую от исторических реалий повесть Н. М. Карамзина «Марфа Посадница», 1802), но самое значительное и объемное художественное произведение об одном из важнейших событий русской истории — покорении Новгорода Москвой. До него данную страницу русской истории так подробно

и внимательно не «прочитывал» и так отважно не «погружался» в XV век никто из отечественных писателей.

Некоторые «народные» образы-персонажи, например «вечный звонарь» Корнил, представляют собой несомненную творческую удачу автора:

«Вечный» звонарь, одноглазый, сухой и сморщенный старичок, которому один глаз еще в детстве отец его, тоже «вечный» звонарь, нечаянно выхлестнул веревкою, привязанною для звона к язычку вечового колокола, без шапки, с мятущимися по ветру седыми, редкими волосенками, с восторженным умилением на старческом лице, точно священнодействуя, звонил, ни на миг не переставая, качая железный язык из стороны в сторону, колотя им об медные, сильно побитые края колокола, который вздрагивал и кричал словно от боли и которого стоны заглушал новый удар железного языка, и он опять вздрагивал и кричал — кричал как живой человек, как раненый или утопающий, а подчас как плачущая женщина».

Своеобразно «мистичен» и ворон Гаврюшка — «вещун» о славе и бедах. Мистичен и другой «вещун» — новгородский вечевой колокол. Здесь в «ткань» романа своеобразно «вплетаются» отголоски древних народных поверий, былин и сказок. И это тоже удача автора.

Запоминается навсегда и образ новгородской боярской дочери, происходившей из знаменитого рода посадников, — Остромиры, сошедшей с ума после жестокого изуверства над ее женихом. Остромира — светлый, женственный, трагичный и, главное, глубоко религиозный образ.

Во многом схож с персонажем Остромиры и персонаж Гориславы, но в нем, как уже отмечалось выше, присутствует некоторая «двусмысленность».

Вообще же Мордовцеву в основном удавались образы женщин молодых. Так, и Марфа-посадница вызывает симпатию, только когда автор рассказывает о ее молодых годах. Позже она — властная, надменная и коварная, все еще мечтающая о любви, но постепенно теряющая последние остатки былой красоты правительница...

Вполне вероятно, что образ Марфы Борецкой сложился у Мордовцева под впечатлением собственной, поначалу счастливой, а затем не очень удачной семейной жизни...

Кроме того, сцены из романа Мордовцева буквально предна-

значены для экранизации. На основе романа «Господин Великий Новгород» мог бы получиться великолепный современный фильм!

Григорий Петрович Данилевский (1829—1890) по рождению своему принадлежал к русско-украинскому дворянскому роду. Семья его примечательна. Предок в 7-м колене — Данила Данилов принимал в 1709 году в своем доме царя Петра I, а двоюродная сестра — Е. О. Данилевская — приходилась бабушкой по отцовской линии поэту Владимиру Маяковскому.

Практически все его исторические романы и повести: «Потемкин на Дунае» (1878); «Мирович» (1879); «На Индию при Петре» (1880), «Княжна Тараканова» (1883); «Сожженная Москва» (1886), «Черный год» (1888) — о России, ее истории, культуре, нравственной составляющей этих понятий.

С 1878 года начался, на наш взгляд, главный период творчества Данилевского-писателя. Он обратился к жанру исторического романа. Именно этот «поздний» период творчества и принес ему наибольшую литературную известность. Его стали называть уже не «русским Купером», а «русским Дюма», поскольку его исторические романы, перечисленные нами выше, читала, без преувеличения, вся Россия, и они переводились на различные европейские языки.

Именно Данилевский становится в 1880-х годах самым известным в России историческим романистом, опередив по читательскому интересу и спросу своих литературных конкурентов: Д. Л. Мордовцева, Вс. С. Соловьева, графа Е. А. Салиаса де Турнемир (последний, впрочем, вскоре наवरстал упущенное).

Но, естественно, находилось и немало завистников, объявлявших, что романы Данилевского — образец «дурного вкуса», в них нет «идеи» и т.д. И только в наши дни, когда мы постепенно освобождаемся от «штампов», безумных «идей» и навязанных суждений, становится ясно, что произведения Данилевского — плод огромного труда и исполнены творческого вдохновения. А роман его «Сожженная Москва» — глубокое, искреннее, мудрое, блестяще написанное художественное произведение, которое отличается истинным, а не наносным патриотизмом.

В 1881 году Данилевский занял высокий пост главного редактора ежедневной санкт-петербургской газеты «Правительствен-

ный вестник» — официального органа Главного управления по делам печати Российской империи.

На этом посту Данилевский оставался до конца жизни. Важно отметить, что высокое положение и официальный статус не помешали бурной литературной деятельности Данилевского. Главный редактор официальной правительственной газеты — одно, а писательский труд — совсем иное. И то, что Данилевский сумел эти два противоречивых «начала» успешно сочетать, говорит о нем как о самоценной и значительной личности.

На наш взгляд, именно в реалиях дня сегодняшнего исторический роман Данилевского «Сожженная Москва», необходимо читать и изучать в школах и вузах. Не так уж много в отечественной литературе произведений, реально способных пробудить в гражданах нашей страны истинные патриотические чувства. Пробудить без лишних фраз и философско-культурологических рассуждений, которые могут только замутить сознание, но просто, ясно и правдиво.

Михаил Шапошников

СОЖЖЕННАЯ МОСКВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА

— Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой, в венцах из золота,
Горят на солнце... Но, увы...
То — солнце твоего заката!

Байрон. «Бронзовый век»

|

Никогда в Москве и в ее окрестностях так не веселились, как перед грозным и мрачным двенадцатым годом.

Балы в городе и в подмосковных поместьях сменялись балами, катаньями, концертами и маскарадами. Над Москвой, этой пристанью и затишьем для многих потерпевших крушение именитых пловцов, какими были Орловы, Зубовы и другие, в то время носилось как бы веяние крылатого Амура. Немало любовных приключений, с увозами, бегством из родительских домов и дуэлями, разыгралось в высшем и среднем обществе, где блистало в те годы столько замечательных, прославленных поэтами красавиц. Москвичи восторгались ими на четвергах у Разумовских, на вторниках у Нелединских-Мелецких и в Благородном дворянском собрании, по воскресеньям — у Архаровых, в остальные дни — у Апраксиных, Бутурлиных и других.

Был конец мая 1812 года.

Несмотря на недавнюю комету и на тревожные и настойчивые слухи о вероятности разрыва с Наполеоном и о возможности скорой войны, — этой войны не ожидали, и в обществе никто о ней особенно не помышлял.

В богатом московском доме шестидесятилетней бригадирши, княгини Анны Аркадьевны Шелешпанской, у Патриарших прудов, был многолюдный съезд столичных и окрестных гостей.

Праздновались крестины первого правнука Шелешпанской. Прабабку и родителей новорожденного приветствовали обильными здравицами и пожеланиями всяких благ.

За год перед тем, в такой же светлый день апреля, в селе Любанове, подмосковной усадьбе княгини, состоялась свадьба ее старшей внучки, веселой и живой Ксении Валерьяновны Крамалиной, с секретарем московского сената, служившим и при дирекции театров, Ильей Борисовичем Тропининым. Торжественно празднуя крестины правнука, княгиня имела и другую причину радости и веселью: ее вторая внучка, степенная и гордая Аврора Крамалина, также, по-видимому, наконец вняла голосу сердца. В доме княгини со дня на день ожидали ее помолвки с гостившим в отпуску в Москве «колонновожатым» (т.е. свитским) Васильем Алексеевичем Перовским, который сильно ухаживал за Авророй и был угоден княгине. Базиль Перовский был представлен Авроре — на последнем из зимних московских балов у Нелединских — мужем ее сестры, Ильей Тропининым, своим давним приятелем, товарищем по пансиону и по университету.

Гости княгини начинали разъезжаться. Уехал шестериком, цугом, старец Мордвинов, с распущенными по плечам пушистыми сединами; уехал в желтой венской коляске веселый князь Долгорукий, «prince Calembourg»¹, как его звали; в английском тильбюри, в шорах, — виновник встречи жениха и невесты, Нелединский-Мелецкий; на скромных городских дрожках — издатель «Русского Вестника» Сергей Глинка и другие. Приемные и обширный, обсаженный липами двор княгини опустели. Остались ее родные и несколько близких знакомых, в том числе почтивший княгиню заездом и особым вниманием старинный приятель ее покойного мужа, новый московский главнокомандующий граф Растопчин. Это был высокий ростом, еще крепкий на вид мужчина лет пятидесяти, с оживленными, умными черными глазами, узенькими бакенбардами, большим открытым лбом и громкою, подчас крикливою речью. Он ранее других гостей узнал от княгини, что поклонник ее второй внучки — тайный сын украинского магната, тогдашнего министра просвещения. Другим княгиня до времени об этом умалчивала.

¹ «Князь Каламбур» (франц.).